

УДК 811.16(082)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/56/5

ОТРАЖЕНИЕ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АЛЕКСАНДРА ДУХНОВИЧА ФАКТОВ ЯЗЫКОВОГО КОНТАКТИРОВАНИЯ РУСИНОВ

С.В. Зеленко

Белорусский государственный университет
Республика Беларусь, 220030, г. Минск, проспект Независимости, 4
E-mail: siarhejzelianko@gmail.com

Авторское резюме

В статье анализируются факты языкового контактирования русинов с представителями других славянских (русские, сербы, словаки) и неславянских (немцы, венгры) народов, отраженные в произведениях русинского будителя Александра Васильевича Духновича (1803–1865). Доказывается, что актуализация межъязыковых взаимодействий в педагогических трудах («Книжица читалная для начинающих», «Сокращенная грамматика письменного русского языка») и историографической работе «Истинная исторія карпато-россовъ или угорскихъ русиновъ» прецедентного для русинского лингвокультурного сообщества автора выражается в виде вербализированных и невербализированных коммуникационных актов, опосредующих восприятие данных текстов читательской аудиторией. В анализируемых произведениях А. Духновича случаи номинаций русинско-иноязычного контактирования сопровождаются либо констатирующими описаниями данных историко-культурных фактов без их индивидуально-авторских эмоциональных положительных и отрицательных оценок, либо негативными и нейтральными комментариями, выражающими отношение автора к определенному языку и / или его носителям. На невербальном уровне воззрения и коммуникативные установки А. Духновича на факты контактирования русинов с другими народами проявляются в виде редакторских правок в переизданиях 1847 и 1850 гг. педагогической работы «Книжица читалная для начинающих», например, как в случае с исключением текстовых фрагментов на венгерском языке из данного авторского произведения. В статье делается вывод о том, что рефлексивные интенции А. Духновича по отношению к фактам языкового контактирования

русинов могут оказывать влияние на рецепцию его педагогических и историографических работ читателями в силу исключительной важности самой личности автора для представителей русинского лингвокультурного сообщества, а также опосредовать возникновение в национальной картине мира ряда негативных и позитивных ценностных установок к другим народам и языкам.

Ключевые слова: языковое контактирование, русины, Духнович, экстралингвистические факторы, русский язык.

LANGUAGE CONTACTING OF RUSINS IN THE WORKS BY ALEXANDER DUKHNOVICH

S.V. Zelenko

Belarusian State University
4 Nezavisimosti Avenue, Minsk, 220030, Belarus
E-mail: siarhejzelianko@gmail.com

Abstract

The article analyzes language contacting of Rusins with representatives of other Slavic (Russians, Serbs, Slovaks) and non-Slavic (Germans, Hungarians) peoples, as reflected in the works by the Rusin enlightener Alexander Vasilievich Dukhnovich (1803–1865). The author argues that the language interactions in pedagogical (“A Reader for Beginners”, “Abridged Grammar of the Written Russian language”) and historiographic works (“The True History of the Carpatho-Ross or the Ugric Rusins”) of this precedent author are expressed as verbalized and non-verbalized communication acts mediating the perception of the texts by the reading audience. The nominations of Rusin-foreign language contacting in the works under analysis are accompanied either by specifying descriptions of historical and cultural facts without individual (positive or negative) evaluations, or by negative and neutral commentary expressing the author’s attitude to a particular language and / or its speakers. On the non-verbal level, A. Dukhnovich’s views and communicative attitudes to Rusins’ language contacts with other nations are manifested in the form of editorial changes in reprints of “A Reader for Beginners” in 1847 and 1850, for example, as in the case of excluding Hungarian text fragments. The author concludes that the reflexive intentions of A. Dukhnovich in relation to language contacting of Rusins can influence the readers’ response to his pedagogical and historiographic works due to the exceptional importance of the author’s personality for representatives of the Rusin cultural and linguistic community. They can also mediate

the emergence of negative and positive attitudes towards other peoples and languages in the national picture of the world.

Keywords: language contacting, Rusins, Dukhnovich, extralinguistic factors, Russian language.

Языковое контактирование как близкородственных, так и неродственных лингвокультурных этнических сообществ заключается в опосредованном рядом взаимосвязанных факторов процессе усвоения (заимствования, калькирования) лексических, грамматических, фразеологических, фонетических единиц одного языка другим. Если не принимать во внимание насильственное насаждение культурных и языковых норм, а также сегрегационную и ассимиляционную политику правящих элит в государствах с неоднородным этническим составом по отношению к представителям определенных миноритарных лингвокультурных сообществ (например, полонизация этнических белорусов на территории Западной Беларуси после Рижского мирного договора 1921 г. (Сачанка 1991: 8); мадьяризация русинов в Австро-Венгрии (Каминский 1925: 9; Суляк 2008: 14; Суляк 2009: 62–63; Нам, Наумова 2015: 130 и др.)), то процессы языкового контактирования, которые перманентно протекают на приграничных территориях государств-соседей и между представителями разных языковых групп на территории одного государства в результате реализации культурно-исторических, финансово-экономических, политических, социально-бытовых, информационно-коммуникационных связей, можно считать естественными, натуральными.

Языковое контактирование одного народа с представителями другого лингвистического сообщества опосредуется рядом экстралингвистических (внеязыковых) факторов, к которым, по мнению В.Н. Поляковой (Полякова 2001: 41–128), можно отнести: а) общественно-исторический – сведения о состоянии определенного языка в установленный исторический период; б) этнокультурный – информация о социолингвистических характеристиках анализируемого языкового общественного единства; в) рефлексивный – сведения психологического содержания, которые отражают принадлежность определенной личности к языковой группе и определяют набор ценностных установок, создающих эмоциональный фон коммуникационного акта.

Изучению языковых контактов русинов в диахроническом и синхроническом аспектах посвящен ряд научных работ, значительное количество которых опубликовано в международном историческом журнале «Русин». Так, например, в работе академика Н.И. Толстого

«Литературный язык Подкарпатской Руси» (Толстой 2005: 73–75) наряду с общественно-историческим фактором (религиозные предпочтения русинов и их социально-политические взаимоотношения с другими народами), оказавшим влияние на установление и закрепление правил и норм языка русинов как части их культурного наследия, анализируется воздействие культурно-языковых традиций соседних народов и диалектов данного лингвокультурного сообщества (этнокультурный фактор) на формирование русинского литературного языка (язычия). Сотрудники Пряшевского университета (Словакия) В. Ябур и А. Плишкова в обзорно-аналитической статье «Некоторые черты русинских говоров Словакии» (Ябур, Плишкова 2005: 83), раскрывая сущность этнокультурного фактора, опосредовавшего языковое контактирование русинов с другими народами, указывают на влияние западноукраинских диалектов и западнославянских языков на карпатскую группу восточнославянских (русинских) диалектов. М. Горняк в статье «Обсяжно о нукашней структури руского языка» говорит о том, что язык русинов Воеводины «формовал ше у карпатским ареалу, на просторох дзе ше дотикаю восточнославянски и заходнославянски язики, та природне же ма характеристики и єдних и других» (Горняк 2005: 157). Заостряя внимание на общественно-историческом и этнокультурном факторах языкового взаимодействия русинов с представителями других лингвокультурных сообществ, М. Горняк утверждает, что, кроме праславянских элементов, в языке бачванских русинов присутствуют церковнославянизмы, германизмы, латинизмы, а также лексика из литературного языка угорских русинов (язычия), венгерского, румынского и сербского языков.

При этом за пределами научного внимания историков, культурологов и лингвистов, занимающихся проблемами языкового контактирования русинов, довольно часто остается еще один экстралингвистический фактор – рефлексивный, данное языковое взаимодействие также опосредующий. Таким образом, вполне оправдано изучение представлений (оценок, установок, комментариев, интенций, коммуникационных актов) о языковом контактировании русинов прецедентной (исключительно важной) для данного лингвокультурного сообщества личности. Современные ученые, представители различных направлений гуманитарной науки, утверждают, что «А.В. Духнович являлся одной из центральных фигур в жизни русинов» (Тудосе 2007: 23); «Духнович это русский Пушкин, негасимая свеча» (Погодин 2006: 139); «У русинов национальным символом является незабвенный, любимый многими русинскими поколениями Александр Духнович» (Алмаший 2006: 17).

Исходя из значимости личности русинского будителя А.В. Духновича для представителей данного лингвокультурного сообщества,

остановим наше внимание на отражении в его литературных (историографических и педагогических) трудах вербально актуализированного и неактуализированного рефлексивного экстралингвистического фактора, который непосредственно и (или) опосредованно указывает на языковое контактирование русинов как со славянскими, так и с неславянскими народами. В отличие от интралингвистических проявлений языкового контактирования (например, прямых заимствований на лексическом и грамматическом уровнях), экстралингвистические (обусловленные социально) факторы, как правило, обнаруживаются в речевых отрезках с наименованиями «других» (контактных) языков и / или описанием прецедентных (исторически значимых для представителей определенного лингвокультурного сообщества) ситуаций, в рамках которых осуществлялось данное языковое взаимодействие.

Так, например, в историографической работе «Истинная история карпато-россовъ или угорскихъ русиновъ изданна народолюбцемъ, Александромъ Духновичемъ. 1853» автор констатирует генетическую связь языка «угро, или карпато-россовъ» с русским языком: «Я упомянутымъ согласуясь, узнаю угро, или карпато-россовъ по части происходить изъ Россіи, ибо то ихъ языкъ, имя, законъ и обыкновенія довольно показываютъ...» (Истинная история 1914: 532–533). Можно предполагать, что данным утверждением А. Духнович подчеркивает свое видение решения проблемы кодификации карпаторусинского литературного языка. Профессор Ф. Аристов, анализируя историографический труд А. Духновича, высказывает мысль о том, что выбор языка изложения исторического материала автором является концептуально важным (Аристовъ 1914: 154), поскольку, как отмечал сам русинский будитель, «современники, и соотечественники о народъ семь очень мало, иностранцы же, и иноплемянные или ничего, или только что-нибудь погрѣшнаго во памятникахъ своихъ оставили» (Истинная история 1914: 528). Очевидно, что А. Духнович пытался отразить историю своего народа, во-первых, на понятном для него (народа) языке; во-вторых, на языке, который можно считать языком международного общения (международном языке), чтобы максимально увеличить читательскую аудиторию историографии «Истинная история карпато-россовъ...». Так, профессор Ф. Аристов утверждал: «До А. В. Духновича въ литературѣ употреблялись послѣдовательно церковнославянскій, латинскій и мадьярскій языки, и только онъ первый началъ писать по-русски: сперва на мѣстномъ нарѣчїи, а затѣмъ и на общерусскомъ языке» (Аристовъ 1929: 24).

При этом в своей историографической работе А. Духнович приводит ссылку на труд «Notitia topographica, Politica Comitatus Zempliniensis. Buda 1803», автор которого, Антоний Сирмай, говорит,

что «въ предѣлахъ сихъ, (:Коло Бодрога рѣки:) прежде пришествія угров, (:мадяровъ:) обитали сарматы, кой съ россами, роксами, роксоланами, руссами, рутенами, москалями, и козаками одного суть рода, яко то поминають древнїи писатели: Берось, Ксенофонъ, Геродоть, Кромерь и иные» (Истинная исторія 1914: 533–534). Данное утверждение, в некоторых аспектах подтверждаемое и современными учеными (Седов 2006; Жих 2009; Суляк 2014), во-первых, можно рассматривать в качестве общественно-исторического фактора, опосредовавшего языковое контактирование русинов в исторической ретроспекции, во-вторых – как рефлексивный фактор, что доказывається эмоционально окрашенным комментарием А. Духновича к данной цитате: «Домашнїи писатель Антонїи Сирмай <...> хотяи не много склонный къ русинамъ какъ мадярь, однакожь утаитъ правду не смѣя, такъ говорить...» (Истинная Исторія 1914: 533).

Указывая на русинско-венгерское языковое контактирование, А. Духнович отражает в тексте своей работы определенную историко-культурную ситуацию, в которой данное взаимодействие двух языков происходило: «При семь когда бы лъзя правду сказать, и тѣхъ русскаго народа и племени усковъ, семейства здѣсь исчислить, которые ради временныхъ угод, и тщеславїя русскаго рода отреклись, и почтенныя руская имена своя переворотили, или помадярили <...> Но Господи прости имъ...» (Истинная исторія 1914: 532–533); «...нѣкоторыя древнїя, и славныя угорскїя (нынѣ мадярскїя:) семейства и днесъ еще руское наименованїе носятъ, хотя й и убили бы челоувѣка, если бы имъ кто сказать тую правду осмѣливался...» (Истинная исторія 1914: 540). Как видно из приведенных примеров, А. Духнович сопровождает упоминание о русинско-венгерском языковом контактировании, актуализированном в авторском тексте соответствующей прецедентной ситуацией (мадяризация русинов), эмоционально-оценочными суждениями («Но Господи прости имъ», «хотя й и убили бы челоувѣка»), характеризующими негативное отношение представителя русинского лингвокультурного сообщества к данному историко-культурному событию. В данном случае, как нам кажется, будет уместно привести еще одну цитату из труда А. Духновича, в которой отражается как сам факт русинско-венгерского языкового контактирования, так и отношение автора к нему: «...мадярскїи языкъ выключая не много турецкихъ, манжурскихъ и моголскихъ, потомъ нѣмецкихъ и латинскихъ именъ, и словъ, по большей части изъ русскаго сложень <...> Правда мадяре потверждаютъ, или по крайней мѣрѣ вѣрять желаютъ, что ихъ какъ народъ, такъ и языкъ первокоренной, или со иными европейскими народами, и языками общаго ничего не имѣеть, или какъ одинъ дуракъ, довести усиловался, и въ дурномъ своемъ сомнамбулисмѣ доводиль,

что Створитель міра съ первыми ііародителями нашими въ Раѣ, по мадярски говорилъ, и что Адамъ, Ева. Каинъ, Абель и прочая имена мадярская суть, (:хотя въ мадярскомъ языкѣ никакого не имѣють знаменованія)» (Истинная исторія 1914: 540).

В контексте нашего исследования представляют интерес не собственно исторические и лингвистические выкладки А. Духновича (иногда достаточно противоречивые) о формировании и лексических заимствованиях в составе венгерского языка, а непосредственное выражение в письменной речи отношения автора труда «Истинная исторія карпато-россовъ...» к представителям иноязычного сообщества. Так, характеризуя языковой шовинизм венгров по отношению к другим народам, А. Духнович использует экспрессивно окрашенную лексику («одинъ дуракъ», «въ дурномъ своемъ сомнамбулизмѣ»). Апелляция к стилистически сниженным лексическим ресурсам позволяет автору репрезентовать аудитории (главным образом русскоязычной) свое эмоциональное состояние (негодование, недовольство, раздражение), высказать негативное отношение к иноязычному речевому субъекту, противопоставить себя (как представителя определенного лингвокультурного сообщества) и носителя другого (чужого, чуждого) языка. Поскольку личность А. Духновича является прецедентной для русинов, то можно предполагать, что подобная авторская рефлексия, выраженная в отрицательных ценностных установках и реализованная в соответствующих высказываниях, будет опосредовать негативный эмоциональный фон восприятия информации о русинско-венгерском языковом контактировании как со стороны русинов, так и со стороны венгров.

Рассуждая о происхождении некоторых онимов (названий населенных пунктов и личных имен), бытовавших на территории проживания предков русинов, А. Духнович констатирует их принадлежность к славянскому языковому субстрату: «Россіяне какъ не новѣйшіе угровъ въ семь краѣ, такъ окружными ихъ сподвижниками бывъ, равнымъ съ ними правомъ или новыя получили, или древнія владѣнія своя содержали; по чему то множество удѣловъ, или столицъ, городовъ, мѣсть, и деревнь отъ россіянъ какъ начало, такъ и имена своя получило...» (Истинная исторія 1914: 532); «Что больше, русскихъ именъ, найпаче отъ способностей, и свойствъ тѣла, таже званія и достоинствъ, происходяшихъ, даже между древними мадярскими вождями слѣды находятъся, ибо имена первоначальныхъ угорскихъ воеводъ на мадярскомъ языкѣ по большей части ничего, на русскомъ же способности тѣла, или свойства званію ихъ сходная знаменуютъ...» (Истинная исторія 1914: 538). Примечательно, что при упоминании данных фактов языкового контактирования русинов отсутству-

ют какие-либо авторские негативные оценки, что эмоционально контрастирует с приведенными выше примерами. В этом случае можно говорить не только о констатации языковой реалии, но и о ее индивидуальной оценке говорящим (А. Духновичем) – нейтральной либо положительной, поскольку описанная ситуация иллюстрирует процессы заимствования венграми лексических единиц из языков славянской группы, а не наоборот.

В параграфе «О имени русиновъ» (Истинная история 1914: 536–541) А. Духнович приводит информацию как о самоназвании «угро, или карпато-россовъ», так и об их наименовании другими народами. Так, по мнению автора, «означенія русскаго, и російскаго имени <...> къ угро-россамъ относится», «Славяне паки, и угро, или карпато-россы сами себя именууютъ: русинами, русаками, и руснаками...». Помимо упомянутых названий «угророссианъ» А. Духнович приводит в своем труде некоторые их «помѣстныя имена»: «...лишакъ, лемакъ, цокакъ <...> Именууются еще они верховинцами <...> и подгорцами; дале бережанцами <...> Послѣ: бляшаниками, льопаками, смоляниками, гуцулами, бойками, свѣчкарями, и грабляниками». Данное перечисление сопровождается своеобразной этимологической справкой: «По тому, что первые на подобіе щитовъ чресла, тайстры, или побочные изъ шеи на ремени висящие карманы, и шапки бляхою украшаютъ». При этом происхождение имени собственного «гуцуль» А. Духнович связывает с экстралингвистическим фактором языкового контактирования русинов с другими народами: «...четвертые отъ гицля, и бивака подобнаго катѣ, или отъ волоскаго “гоцуль” по тому, что они по молдавской, сѣдьмоградской, буковинской, галицкой и угорской границамъ живущіе изъ древле вѣроятнo на сосѣдовъ своихъ напали, и любили разбивать, и грабить...». В данном фрагменте также можно наблюдать наличие индивидуально-авторских отрицательных оценочных суждений А. Духновича по отношению к фактам языкового контактирования русинов – имеется в виду прослеживание автором этимологии этнонима «гуцул» от валашского наименования воинственных соседей.

Приводя в своей историографической работе наименования русинов, которые используют представители других народов, А. Духнович, как и при оценке факта русинско-венгерского языкового контактирования, сопровождает их авторскими комментариями, однако в данном случае без использования эмоционально окрашенной (стилистически сниженной) лексики: «Нѣмецкіе паки писатели, и дипломатики именууютъ ихъ руссами, и рутенами, и презрительно русняками, rusniaken. Угры же, (:мадяре:) какъ и иные по Кавказкимъ горамъ живущіе татарскіе, и могольскіе народы, и даже самые куманцы россианъ какъ пре-

жде, так и днес именуютъ оросами, оруссами, уруссами <...> Такжеде угорское уорсь, или уоршь, урачь, угасъ знаменуеть господина, или молодого пана, панича; изъ чего слѣдствуетъ, что имя орось не такъ презрительно, какъ нѣкоторые латинско-угорскіе писатели мыслить»; «нѣкоторые иноплеменники любятъ ихъ презрительно, и посмѣшно русняками прозывать» (Истинная исторія 1914: 536–537). Приведенные примеры свидетельствуют о том, что автор труда «Истинная исторія карпато-россовъ...» русинский будитель А. Духнович через констатацию фактов «презрительного» наименования своих предков представителями других народов демонстрирует нейтрально-снисходительное отношение к подобному проявлению речевой агрессии, не отвечает на нее, противопоставляя ей исторические сведения о происхождении соответствующего этнонима.

В педагогических трудах А. Духновича также отмечается наличие фактов языкового контактирования русинов с другими народами. Однако рефлексивный фактор данного языкового взаимодействия реализуется в этих работах без вербализации авторских эмоциональных оценок. Так, например, в труде «Сокращенная грамматика письменнаго рускаго языка» А. Духнович объясняет правила произношения безударного [o], ссылаясь на артикуляцию краткого [a] в венгерском языке: «Буква O ежели не имѣеть ударенія и стоитъ передъ слогомъ ударяемымъ, произносится какъ венгерское краткое a» (Сокращенная грамматика 1853: 5). На сопоставлении двух языков автор строит и следующие орфоэпические правила: «Буква Ъ звучитъ въ карпато-русскомъ языке какъ jі <...> по письменному рускому языку же произносится какъ ie» (Сокращенная грамматика 1853: 6); «Тѣмъ которые славяцкій языкъ знаютъ, совѣтую, чтобъ они въ одинакихъ коренныхъ словахъ употребляли букву Ъ гдѣ словяки употребляютъ въ тѣхъ же словахъ букву е...» (Сокращенная грамматика 1853: 7). Очевидно, что подобные апелляции к другим языкам вызваны авторской интенцией упростить восприятие предлагаемой информации читателями, находящимися в ситуации многоязычного взаимодействия, которое было опосредовано экстралингвистической ситуацией на территории проживания русинов на протяжении достаточно продолжительного времени.

Отметим, что использование А. Духновичем описанного приема, с точки зрения современной дидактики (Koudrjavitseva, Salimova, Snigireva 2015: 124–132), является приемлемым, поскольку позволяет реализовать этнометодическую, этнолингвистическую (точнее, этнолингвокультурную) компетенции педагога. Таким образом, в данном случае автор труда «Сокращенная грамматика письменнаго рускаго языка» демонстрирует глубокое понимание особенностей процес-

са изучения неродного и второго родного языка в многоязычной (мультикультурной) среде, одной из которых является ценностная невербализированная установка на создание положительного эмоционального фона образовательного акта за счет апелляций к знакомым и понятным ученикам, уже усвоенным на другом языке реалиям.

Так, например, в работе «Сокращенная грамматика письменнаго рускаго языка» А. Духнович в виде сносок или отдельного примечания акцентирует внимание читателя на определенных особенностях русского языка в сопоставлении с другими славянскими: «Карпатскіе русины часто погрѣшаютъ противъ буквы Ъ потому что она у нихъ звучитъ какъ И, а не какъ у сербовъ, или россиянь на іе, поэтому въ коренныхъ именахъ и словахъ вмѣсто Ъ пишутъ И. Правильному употребленію сей буквы они только чрезъ долгое упражненіе могутъ обучиться» (Сокращенная грамматика 1853: 7); «Неокончателное наклоненіе такъ въ церковно-славянскомъ, какъ и обыкновенно въ карпато-русскомъ языкахъ кончится на ти, однако не лъзя сказать, чтобъ это окончанше было общее славянское, потому что окончаніе ть употребляется не токмо въ письменномъ рускомъ языкѣ, но и въ славяцкомъ языкѣ, далѣе въ Венгріи находятся тоже рускія поселенія особенно въ Унгварскомъ комитатѣ какъ то Гливици, Рыбница и Реметы...» (Сокращенная грамматика 1853: 29). Как видно из приведенных примеров, в данных текстовых фрагментах отражаются как этнокультурный (информация о социолингвистических характеристиках анализируемого языкового общественного единства), так и рефлексивный (отражение ценностных педагогических установок А. Духновича) факторы, опосредующие языковое контактирование русинов.

Отражение рефлексивного фактора языкового контактирования русинов с другими народами находим также в педагогическом труде А. Духновича «Книжица читалная для начинающихъ» (Книжица 1847; Книжица 1850). Интересно, что в данном случае выявление ценностных установок автора издания как представителя определенного лингвокультурного сообщества по отношению к другим (отличным от его родного) языкам возможно при сопоставлении содержания первого и второго изданий «Книжицы». Так, в издании 1847 г. А. Духнович наряду с кириллической азбукой – «Изображеніе древныхъ, и новыхъ писмень славенскихъ, печатныхъ, и рукописныхъ. Буквы» (Книжица 1847: 3–8) включает латинский (венгерский) алфавит – «Писмень оугорскія печатная, и рукописная. Буквы» (Книжица 1847: 9–12). В издании же «Книжицы» 1850 г. приводятся только кириллические «Азь бука церковна малая», «Азь бука церковна великая», «Азь бука письмена» (Книжица 1850: 9–12). Однако в конце «Книжицы» 1850 г.

дается сравнительная таблица «Сравненіе буквѣ въ четырехъ языкахъ. Русскія. Готтицко-словенскія. Нѣмецкія. Римскія» (Книжица 1850: 107–112). Подобный элемент в издании 1847 г. отсутствует.

Следует отметить, что в издании «Книжицы» 1847 г. А. Духнович приводит сопоставление слогов на двух языках: «Писмена славенская» и «Писмена оугорская» (Книжица 1847: 13–16), подобным же образом в книгу включается двуязычное «Оупражненіе въ чтеніи» (Книжица 1847: 16–20). Обращает на себя внимание, что в издании «Книжицы» 1850 г. автор вводит только кириллические слоговые сочетания букв: «Слози отъ согласныхъ», «Слози отъ самогласныхъ», «Двоеслози согласныхъ», «Двоеслози самогласныхъ» (Книжица 1850: 5–12), однако в конце этого издания приводятся небольшого объема тексты для чтения: «Упражненіе въ словянскомъ чтеніи» (Книжица 1850: 113–114), «Упражненіе въ нѣмецкомъ чтеніи» (Книжица 1850: 115–116), «Упражненіе въ мадыарскомъ чтеніи» (Книжица 1850: 117–118).

Можно утверждать, что коррективы, внесенные А. Духновичем в издание «Книжицы» 1850 г., были опосредованы историческими событиями, произошедшими на обширной территории проживания русинов. К совокупности экстралингвистических факторов, повлиявших на А. Духновича при переиздании «Книжицы», можно, вероятно, отнести следующие: мадыарскую революцию 15 марта 1848 г., ввод осенью 1949 г. армии генерала И. Паскевича на подкарпаторусинские этнические территории, «рішеня офіційного Відня закласти (за націоналнов ознаков) єден русинський адміністративный край – так называющийся Руський дістрікт» (Падык 2015: 9), а также его ликвидацию в марте 1850 г. При этом отметим, что перечисленные факторы следует рассматривать в т. ч. с точки зрения ценностных (рефлексивных) установок автора «Книжицы» по отношению к используемым в издании языкам, отличным от его родного: расширения объема авторского текста на русском языке, изъятия венгерского алфавита и соответствующих слоговых таблиц в начале издания, включения азбук и текстов для чтения на немецком, словацком и венгерском языках только в качестве приложения к основному тексту.

Таким образом, в историографических и педагогических трудах А. Духновича факты языкового контактирования русинов актуализируются через индивидуально-авторскую рефлексию. На вербальном уровне отношение прецедентного для русинов автора к контактам родного и неродного языков проявляется в виде комментариев. Так, упоминания в работах А. Духновича русинско-венгерского языкового взаимодействия зачастую имеют ярко выраженную негативную эмоционально-оценочную окраску, автор при этом использует стилистически сниженную лексику («одинь дуракъ», «въ дурномъ своемъ

сомнамбулизмъ»). При упоминании языковых контактов русинов с другими славянскими и неславянскими народами комментарии А. Духновича носят констатирующий характер («Славяне паки, и угро, или карпато-россы сами себя именууютъ: русинами, русаками, и руснаками...»), а также имеют сентенциозную специфику («Карпатскіе русины часто погрѣшаютъ противъ буквы Ъ потому что она у нихъ звучитъ какъ И, а не какъ у сербовъ, или россіянь на іе, поэтому въ коренныхъ именахъ и словахъ вмѣсто Ъ пишутъ И. Правильному употребленію сей буквы они только чрезъ долгое упражненіе могутъ обучиться»); иногда они сопровождаются оценочными суждениями автора, как, например, в случае с русинско-немецким языковым контактированием («Нѣмецкіе паки писатели, и дипломатики именууютъ ихъ руссами, и рутенами, и презрительно русняками»). К проявлениям невербализированных авторских рефлексий по отношению к языковому контактированию русинов с представителями других лингвокультурных сообществ, как показал анализ педагогических трудов А. Духновича, можно отнести авторскую корректировку издания «Книжица читалная для начинающихъ» (1850), проведенную за счет изъятия из текста первого издания (1847) венгерского алфавита и соответствующих упражнений по слоготечению, а также введения в структуру книги приложения с текстами на немецком, словацком и венгерском языках.

Поскольку личность А. Духновича является прецедентной (сверхзначимой) для представителей русинского лингвокультурного сообщества, можно с достаточно высокой долей вероятности предполагать, что приведенные факты вербализированных и невербализированных авторских рефлексий при их рецепции читателями предопределяли (и, вероятно, продолжают определять) набор негативных и позитивных ценностных установок русинов по отношению к другим народам и языкам в национальной картине мира.

ЛИТЕРАТУРА

Алмаший 2006 – *Алмаший М.* Национальное кредо А. Духновича: «Я русин был, емь и буду» // Русин. 2006. № 1 (3). С. 17–19.

Аристовъ 1914 – *Аристовъ Ѳ. Ѳ.* «Истинная исторія карпато-россовъ» А.В. Духновича. Значеніе А.В. Духновича какъ угро-русскаго историка // Русскій архивъ. 1914. № 5. С. 144–155.

Аристовъ 1929 – *Аристовъ Ѳ. Ѳ.* Карпато-русскіе писатели. Александръ Васильевичъ Духновичъ. Ужгородъ: Типографія «Школьной помощи», 1929. 26 с.

Горняк 2005 – *Горняк М.* Объясно о нукашней структури руского языка // Русин. 2005. № 1 (1). С. 155–159.

- Жих 2009 – *Жих М.* К проблеме ранней истории славян Прикарпатского региона (середина – вторая половина I тыс. н.э.) // Русин. 2009. № 1 (15). С. 25–44.
- Каминский 1925 – *Каминский І.* Национальное самосознание нашего народа. Вь память А. Духновича. Ужгородь: Типография «Школьной помощи», 1925. 20 с.
- Книжица 1847 – Книжица читалная для начинающихъ. Будинь Градь: Всеучилища Пештанскаго, 1847. 115 с.
- Книжица 1850 – Книжица читалная для начинающихъ. Будинь: Ц.К. Оугорской книгопечатни, 1850. 120 с.
- Истинная история 1914 – Истинная история карпато-россовъ или угорскихъ русиновъ изданна народолюбцемъ, Александромъ Духновичемъ. 1853. Сообщ. Э.Э. Аристовъ // Русский архивъ. 1914. № 4. С. 528–559.
- Нам, Наумова 2015 – *Нам И.В., Наумова Н.И.* Историческая память и национально-политическая идентификация русинов. 1914–1920 гг. // Русин. 2015. № 4 (42). С. 126–142. DOI: 10.17223/18572685/42/10
- Падык 2015 – *Падык В.* История карпаторусиньской литературы и культуры: драматургия и национальный театр на Подкарпатській Руси (1848–1989). Пряшів: Пряшівський університет у Пряшеві – Інститут русинського языка и культуры, 2015. 183 с.
- Погодин 2006 – *Погодин Б.* Русины как призвание // Русин. 2006. № 1 (3). С. 137–142.
- Полякова 2001 – *Полякова В.Н.* Экстралингвистические и интралингвистические факторы формирования русской языковой личности: дис.... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2001. 225 с.
- Сачанка 1991 – *Сачанка Б.* Беларуская эміграцыя. Мінск: Голас Радзімы, 1991. 112 с.
- Седов 2006 – *Седов В.* Этногенез ранних славян // Русин. 2006. № 1 (3). С. 175–193.
- Сокращенная грамматика 1853 – Сокращенная грамматика письменнаго рускаго языка, изданная Александромъ Духновичемъ. Буда: Типография Мартина Баго, 1853. 51 с.
- Суляк 2008 – *Суляк С.* Русины: уроки трагической истории // Русин. 2008. № 3–4 (13–14). С. 7–34.
- Суляк 2009 – *Суляк С.* Русины: прошлое, настоящее, будущее // Русин. 2009. № 3 (17). С. 61–70.
- Суляк 2014 – *Суляк С.* Предки русинов и кочевники: вопросы этнокультурного взаимодействия // Русин. 2014. № 4 (38). С. 152–176. DOI: 10.17223/18572685/38/12
- Толстой 2005 – *Толстой Н.* Литературный язык Подкарпатской Руси // Русин. 2005. № 1 (1). С. 73–75.
- Тудосе 2007 – *Тудосе В.* Карпаторусские писатели и общественные деятели XIX в. // Русин. 2007. № 1 (7). С. 17–32.

Ябур, Плишкова 2005 – Ябур В., Плишкова А. Некоторые черты русинских говоров Словакии // Русин. 2005. № 1 (1). С. 76–84.

Koudrjajtseva, Salimova, Snigireva 2015 – Koudrjajtseva E., Salimova D., Snigireva L. Russian as Native, Non-native, one of Natives and Foreign Languages. Questions of Terminology and Measurement of Levels of Proficiency // Asian Social Science. 2015. № 14. P. 124–132. DOI: 10.5539/ass.v11n14p124

REFERENCES

Almashiy, M. (2006) Natsionalnoe kredo A. Dukhnovicha: “Ya rusin byl, esm i budu” [A. Dukhnovich’s national credo: “I was, am and will be Rusin”]. *Rusin*. 1 (3). pp. 17–19.

Aristov, F.F. (1914) “Istinnaya istoriya karpato-rossov” A.V. Dukhnovicha. Znachenenie A.V. Dukhnovicha kak ugro-russkago istorika [“The true history of Carpatho-Ross” by A.V. Dukhnovich. Significance of A.V. Dukhnovich as a Ugro-Russian historian]. *Russkiy arkhiv*. 5. pp. 144–155.

Aristov, F.F. (1929) Karpato-russkie pisateli. Aleksandr Vasilievich Dukhnovich [Carpatho-Russian writers. Alexander Vasilievich Dukhnovich]. Uzhhorod: Shkol’naya pomoshch.

Gornyak, M. (2005) Obsyazhno o nukashney strukturi ruskogo yazika [About the structure of the Russian language]. *Rusin*. 1 (1). pp. 155–159.

Zhikh, M. (2009) K probleme ranney istorii slavyan Prikarpatского региона (seredina – vtoraya polovina I tys. n. e.) [On the early history of the Carpathian Slavs (the middle – the second half of the first millennium of the Common Era)]. *Rusin*. 1 (15). pp. 25–44.

Kaminsky, I. (1925) Natsional’noe samosoznanie nashego naroda. V” pamyat’ A. Dukhnovicha [National self-awareness of our people. In the memory of A. Dukhnovich]. Uzhhorod: Shkol’naya pomoshch.

Dukhnovich, A. (1847) *Knizhitsa chitalnaya dlya nachinayushchikh* [A Reader for Beginners]. Budin Grad: Vseuchilishcha Peshtanskago.

Dukhnovich, A. (1850) *Knizhitsa chitalnaya dlya nachinayushchikh* [A Reader for Beginners]. Budin: Ts.K. Ougorskoy Knigopechatny.

Anon. (1914) Istinnaya istoriya karpato-rossov” ili ugorskikh” rusinov” izdana narodolyubtsem”, Aleksandrom” Dukhnovichem”. 1853. Soobshch. F.F. Aristov [“The True History of the Carpatho-Ross or the Ugric Rusin” published by the people-lover Alexander Dukhnovich. 1853. Reported by F.F. Aristov]. *Russkiy arkhiv*. 4. pp. 528–559.

Nam, I.V. & Naumova, N.I. (2015) Rusins’ historical memory and national and political identification in 1914–1920. *Rusin*. 4 (42). pp. 126–142 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/10/

Padyak, V. (2015) Istoriya karpatorusins’koy literatury i kultury: dramaturgiya i natsionalnyy teater na Pidkarpats’kiy Rusi (1848–1989) [The history of

Carpatho-Russian literature and culture: drama and national theater in Subcarpathian Rus' (1848–1989)]. Prešov: Prešov University.

Pogodin, B. (2006) Rusiny kak prizvanie [Rusins as a mission]. *Rusin*. 1 (3). pp. 137–142.

Polyakova, V.N. (2001) *Ekstralingvisticheskie i intralingvisticheskie faktory formirovaniya russkoy yazykovoy lichnosti* [Extralinguistic and intralinguistic factors of the Russian language personality formation]. Philology Cand. Diss. Rostov-on-Don.

Sachanka, B. (1991) *Belaruskaya emigratsyya* [Belarusian emigration]. Minsk: Golas Radzimy.

Sedov, V. (2006) Etnogenez rannikh slavyan [Ethnogenesis of the early Slavs]. *Rusin*. 1 (3). pp. 175–193.

Dukhnovich, A. (1853) *Sokrashchennaya grammatika pismennago ruskago yazyka izdannaya Aleksandrom Dukhnovichem* [Abridged Grammar of the Written Russian Language]. Buda: Martin Bago.

Sulyak, S. (2008) Rusiny: uroki tragicheskoy istorii [Rusins: lessons of a tragic history]. *Rusin*. 3–4 (13–14). pp. 7–34.

Sulyak, S. (2009) Rusiny: proshloe, nastoyashchee, budushchee [Rusins: past, present, future]. *Rusin*. 3 (17). pp. 61–70.

Sulyak, S. (2014) The ancestors of the Rusins and the nomadic tribes: ethnocultural interactions. *Rusin*. 4 (38). pp. 152–176 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/38/12

Tolstoy, N. (2005) Literaturnyy yazyk Podkarpatskoy Rusi [Literary language of Subcarpathian Rus']. *Rusin*. 1 (1). pp. 73–75.

Tudose, V. (2007) Karpatorusskie pisateli i obshchestvennye deyateli XIX v. [Carpatho-Rusin writers and public figures of the 19th century]. *Rusin*. 1 (7). pp. 17–32.

Yabur, V. & Plishkova, A. (2005) Nekotorye cherty rusinskikh govorov Slovakii [Some features of the Rusin dialects of Slovakia]. *Rusin*. 1 (1). pp. 76–84.

Koudrjajtseva, E., Salimova, D. & Snigireva, L. (2015) Russian as Native, Non-native, one of Natives and Foreign Languages. Questions of Terminology and Measurement of Levels of Proficiency. *Asian Social Science*. 14. pp. 124–132. DOI: 10.5539/ass.v11n14p124

Зеленко Сергей Викторович – кандидат филологических наук, доцент кафедры медиалингвистики и редактирования факультета журналистики Белорусского государственного университета (Республика Беларусь).

Sergey V. Zelenko – Belarusian State University (Belarus).

E-mail: siarhejzelianko@gmail.com